
Счёт прилива
Владимир Кожевников

Владимир Кожевников
Счёт прилива

https://litres.ru/74832299
SelfPub; 2026

Аннотация

«Счёт прилива» — история Инайи, картографа обычаев Кольца Общин. После шторма она оказывается на архипелаге Семь Порогов без документов, корабля и права называться наблюдателем. В проливе Тихая вода сталкиваются две общины: те, кто веками живёт по устному Счёту прилива, и строители плотин, чьи террасы гибнут от соли. На горизонте — вежливый посланник внешнего консорциума с опреснителями и условиями, от которых трудно отказаться. Чтобы пролив не стал ресурсом, Инайе придётся отказаться от привычной нейтральности, научиться слышать чужие ритмы и собрать круг, где каждому дают ровно один вдох. Но у неё нет ни мандата, ни карты — только память и слова.

Содержание

Глава 1. Гостья без мандата 4
Глава 2. Трещины в Счёте 7
Глава 3. Соль на травах 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Владимир Кожевников
Счёт прилива

Глава 1. Гостья без мандата

Шторм налетел на архипелаг Семь Порогов без предупреждения — с быстротой, от которой темнеет в глазах, превращая горизонт в стену серо-зелёной мглы. Инайя стояла на палубе попутного судна Кольца Общин, вцепившись в планширь, и смотрела, как исчезает берег. Ещё утром она видела его — россыпь низких островов, поросших солевыми травами, с белыми пятнами террас на склонах. Теперь — ничего. Вода, небо и ветер, который рвал снасти с сухим треском.

— Держись! — крикнул боцман, но его голос унесло.

Лодку подняло на гребень, швырнуло вниз. Инайя успела подумать: «Мои карты», — прежде чем первая волна перехлестнула через борт. Она не помнила, как оказалась в воде. Помнила холод, обжигающий горло, и то, как её слуховая карта — тонкая пластина с желобками, в которые она вдавливала ногтем ритм чужой речи, — выскользнула из кармана и ушла в тёмную глубину. Вместе с передатчиком. Вместе с мандатом.

Её вытащили рыбаки с нижних островов. Двое мужчин в промасленных куртках, пахнущих тиной и дымом, втащили

её в лодку, выдолбленную из цельного ствола, накрыли куском парусины и молчали всю дорогу до берега. Только когда под килем заскребло дно, старший сказал:

— Низовье. Гостья.

Это было не приглашение. Это было обозначение факта.

Дом Нэми стоял на сваях над самой водой — так, что прилив заливал половицы. Счётчица прилива оказалась сухой старухой с руками, покрытыми сетью морщин, похожих на трещины в высохшей глине. Она выслушала сбивчивый рассказ Инайи, не перебивая, потом подала ей глиняную чашку с отваром солевых трав и сказала:

— Ты будешь жить здесь. Документы — это то, что остаётся на бумаге. А мы живём по Счёту. И не называй меня жрицей, как это делают все приезжие. Я просто считаю вдохи.

Инайя попыталась возразить: у неё мандат Кольца, она наблюдатель, её нельзя просто…

— Мандат утонул, — сказала Нэми. — Я видела, как ты выходила из воды. Ни бумаг, ни передатчика. Значит, ты гостья. А гостья — это та, кого кормят, но не спрашивают.

На четвёртый день Инайя начала царапать заметки на гладкой доске, выброшенной морем. Нэми заметила, но не сказала ничего. Только однажды, проходя мимо, обронила:

— Пиши, если тебе так легче. Только не думай, что ты уже поняла.

Инайя кивнула и продолжила выводить ногтем первые

значки — не слова, а ритмы. Как Нэми считает вдохи перед тем, как ответить. Как рыбаки ждут два удара сердца, прежде чем поднять сеть. Как дети повторяют за старшими длинные цепочки запретов, похожие на считалки.

Однажды Инайя вышла на отмель во время отлива. Море обнажило илистое дно, и на нём проступили длинные полосы — граница между солёной и пресной водой, которая в Тихой воде держалась как линза, не смешиваясь. Инайя присела, зачерпнула ладонью верхний слой — пресный, почти безвкусный. Ниже, на глубине двух пальцев, вода была солёной, плотной, тяжёлой. Она держала эти два слоя в ладонях, и они не смешивались, пока она не сжала руку.

— Видишь? — сказала Нэми, подходя сзади. — Так и мы. Низовье и Верховье. Одна вода, два слоя. Пока не тряхнёт.

— А что трясёт? — спросила Инайя.

— Когда один слой хочет стать всем.

Вечером дети пели на берегу песню прилива. Инайя не понимала слов, но слышала, как в мелодии повторяется один и тот же ритм: длинный — короткий — длинный — пауза. Она закрыла глаза и стала считать вдохи вместе с ними. На седьмом вдохе она услышала, как под водой, глубоко, что-то гудит — ровно, как струна.

— Это Стена, — сказала Нэми. — Так она дышит.

Инайя не спросила, что за Стена. Она просто слушала.

Глава 2. Трещины в Счёте

Прошло две недели. Инайя научилась вставать до рассвета, когда вода в проливе стоит особенно тихо, и вместе с Нэми выходить на свайный настил — слушать. Счёт прилива оказался не набором запретов, а сетью, которую вяжут заново каждый день: у каждого дня было своё имя, у каждого имени — своя песня, у каждой песни — свой ритм, который счётчица отбивала ладонью по перилам. Инайя пыталась запоминать, но ритмы путались, как нити в клубке, который долго носили в кармане.

— Не старайся удержать всё, — сказала Нэми. — Слушай, что за день сегодня. Сегодня — День Тихого Вдоха. Рыбу не ловят, травы не рвут. Только чинят сети и чинят слова.

— Чинят слова?

— Если кто-то сказал лишнее на круге, сегодня он может прийти и сказать иначе. Говорят по очереди, и каждый может взять назад сказанное. Море не слышит извинений, но люди слышат.

Инайя записала это на доске — короткими царапинами, которые уже начали складываться в её собственную систему значков. Она заметила, что молодёжь в Низовье всё реже выходит на утренние слушания. Дети ещё пели песни прилива, но подростки смотрели в сторону порта, где стояли суда Соляного дома. Однажды Инайя увидела, как женщина из со-

седнего дома тайком передавала кому-то с лодки пучок солевых трав, завёрнутый в тряпку. Рядом стоял мальчик лет семи и держал её за подол, глядя на лодку широко открытыми глазами.

— Это Соляной дом, — сказала Нэми, когда Инайя спросила. — Покупают травы. Платят солью и тканями. Совет закрывает глаза, потому что семьи беднеют.

— А ты?

— А я считаю вдохи и помню, что было иначе. Но память — не запрет. Я не могу запретить людям есть.

На следующий день Нэми позвала Инайю к себе.

— Отнеси письмо в Верховье. Совету водных мастеров. — Она протянула сложенный лист, перевязанный соломой. — Сама я не могу: прилив. А ты — чужой человек. Иногда чужой человек слышит то, что свои уже не слышат.

— Я не хочу быть чужой, — сказала Инайя.

Нэми улыбнулась — впервые за две недели.

— А ты и не чужая. Ты гостья. Это другое.

Путь лежал через рынок на Среднем острове, где встречались обе общины. Инайя шла по каменной дороге, выложенной плоскими плитами, и чувствовала, как под ногами гудит земля: где-то глубоко работали насосы, качавшие воду на верхние террасы Верховья.

На рынке было шумно. Торговали рыбой, солью, тканями, глиняной посудой. Инайя остановилась у прилавка с вяленой рыбой, когда услышала резкий голос:

— Вы забираете воду, а нам оставляете соль!

Молодая женщина в кожаном фартуке стояла перед верховским торговцем. У неё были тёмные волосы, стянутые в тугой узел, и руки, покрытые мелкими шрамами — следами ожогов.

— Мы не забираем, — ответил торговец. — Мы покупаем.

— Вы покупаете право пить, а мы пьём то, что осталось.

Торговец пожал плечами и отвернулся. Женщина осталась стоять, глядя ему в спину. Инайя подошла.

— Я Инайя. Картограф обычаев Кольца Общин. Вы из Верховья?

— Тэрн. Инженерка. — Женщина посмотрела на неё оценивающе. — Та гостья, что живёт у счётчицы. Я слышала о вас. Ваше Кольцо хочет коридор через Семь Порогов.

— Хочет.

— А я хочу, чтобы моя гильдия перестала травить наши террасы. — Тэрн вдруг усмехнулась. — Пойдёмте. Покажу вам, о чём молчит совет.

Она повела Инайю на нижние террасы. Почва там была покрыта белым налётом — соль выступала на поверхности, как иней. Тэрн присела, взяла горсть земли, растёрла в пальцах.

— Видите? Это не засуха. Это каскад. Мы поставили плотины слишком высоко, и течение изменилось. Тихая вода больше не держит линзу. Соль поднимается.

— И что предлагает совет?

— Совет предлагает опреснители от Соляного дома. — Тэрн выпрямилась. — А я предлагаю открыть старый шлюз. Один. Тот, что построил мой дед. Он восстановит течение, и террасы промоются.

— Почему совет не согласен?

— Потому что я женщина, и потому что мой шлюз — «риск». А опреснители — «инвестиция». — Она посмотрела на Инайю в упор. — Ваше Кольцо хочет коридор. Соляной дом хочет руду. А мы хотим пить. Вы понимаете, что это значит?

Инайя молчала. Она машинально потянулась к поясу, где обычно висела доска, — но доска осталась дома. Она чувствовала запах соли на пальцах Тэрн, видела белый налёт на земле, слышала гудение насосов под ногами. Она больше не записывала. Она стояла рядом.

— Понимаю, — сказала она.

Тэрн кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Приходите завтра. Я покажу вам шлюз.

Глава 3. Соль на травах

Инайя вернулась в Низовье к вечеру, когда прилив начал отступать, обнажая илистые отмели. Она шла по свайному настилу мимо домов, и её поразила тишина. Обычно в это время женщины чинили сети, дети играли на мелководье, старики сидели на порогах и переговаривались. Теперь — никого. Только ветер шевелил развешанные для просушки водоросли, и где-то далеко, за мысом, кричала птица.

Нэми ждала её на крыльце. Лицо у старухи было серым, как парусина.

— Рыба ушла, — сказала она, не дожидаясь вопроса. — Вчера ещё была, а сегодня — пусто. Сети пустые. И на травах — смотри.

Она повела Инайю к солевым грядкам, разбитым на мелководье. Травы стояли по колено в воде, но их листья покрылись белым налётом, похожим на плесень. Инайя присела, потрогала один лист. Налёт был шершавый, а на вкус — горько-солёный, как слёзы.

— Это соль? — спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.